

На правах рукописи

ДАРЖАЕВА НАДЕЖДА БАИРОВНА

**КВАЗИСИНОНИМИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ
КОНСТРУКЦИИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(урало-алтайские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена в Отделе языкознания Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант: **Скрибник Елена Константиновна**
доктор филологических наук, профессор Института финно-угроведения и уралистики Университета Людвига Максимилиана

Официальные оппоненты: **Бурыкин Алексей Алексеевич**
доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института лингвистических исследований РАН

Егодурова Виктория Макаровна
доктор филологических наук, доцент Кафедры русского языка и общего языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Мушаев Владимир Наранович
доктор филологических наук, профессор, заведующий Кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б.Городовикова»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится «01» октября 2019 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр.1, а также на официальном сайте Института языкознания РАН по адресу: <http://iling-ran.ru/main/theses/darzhayeva>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Е. М. Девяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное диссертационное исследование посвящено проблеме таксономии и классификации полипредикативных конструкций (ППК) обстоятельственного типа в бурятском языке и методам систематизации оппозитивных отношений внутри синонимических микрогрупп. ППК — это родовой термин, объединяющий понятия “собственно сложное предложение” и “простое, осложненное оборотом”. В бурятском, как и в других алтайских языках, крайне нетипичны сложные предложения, состоящие из двух финитных предложений, соединенных союзами. Финитное сказуемое представлено обычно только в главной части (главная предикативная единица, ГПЕ), а зависимая часть (ЗПЕ) оформляется инфинитной формой — причастием, деепричастием и др., т.е. сложная конструкция является монофинитной. Тем не менее, с семантической точки зрения они выражают практически такие же отношения, что и бифинитные сложные предложения европейских языков. Общее родовое именование позволяет описывать все сложные конструкции одного языка как единую систему, показывая и их формальные различия, и семантические, и прагматические и т.д. отношения между ними [Черемисина 1984].

Обстоятельственный блок, включающий значительное количество конструкций разнообразной семантики, является самым крупным среди полипредикативных конструкций. По семантическому основанию обстоятельственные конструкции разделились на уже известные из общего языкознания группы (темпоральные, причинные, целевые и т.д.). На следующем уровне классификации также выявляются общепринятые подгруппы, однако внутри темпоральных, кроме традиционно выделяемых конструкций предшествования, следования и одновременности, обнаружилась и конструкция “междувременности” (главное действие происходит между двумя зависимыми, ср. “Intermediacy” в Givón 2001: 330, “промежуточность” в Муравьев 2017: 25). Следующий, более детальный

уровень классификации частично соответствует уже известной, например, среди конструкций следования выделяются микрогруппы общего следования, близкого следования, мгновенного следования, ограничительного следования. Тем не менее, на этом “нижнем” уровне обнаружилось неожиданно большое количество синонимических конструкций: например, группа общего следования включает четыре такие конструкции. Каждый семантический тип обстоятельственных конструкций насчитывает от 10 до 27 разноструктурных единиц, семантическая специфика которых с первого взгляда не очевидна. Тем не менее, эта специфика существует, поскольку квалифицированные носители языка чувствуют различия и отвергают не соответствующие их языковому чутью употребления. Существующая теория и традиционная система терминов не объясняют количество конструкций и семантику отношений между ними. Следовательно, необходимо найти ранее не выявленные параметры противопоставления, создать для них новые термины, доработать классификационную теорию, а также выработать алгоритм дифференциации квазисинонимических конструкций и найти адекватные параметры описания.

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что проблема выявления и описания парадигматических отношений между синонимическими полипредикативными конструкциями остается недостаточно проработанной в современной лингвистике. Выявление дифференцирующих параметров между частично синонимическими конструкциями позволит описать системообразующие оппозиции, ранее не представленные в существующей литературе и описаниях других языков. Кроме того, детальный семантический анализ синтаксических конструкций зафиксирует современное состояние бурятского языка в период глобальных системных изменений и послужит источником для дальнейших исследований когнитивного характера. Выработка универсального, на наш взгляд,

алгоритма дифференциации также поможет исследователям других языков обнаружить специфические и уникальные оппозиции, на которых строится синтаксис сложного предложения.

Научная новизна работы определяется не только приложением теорий и методик, разработанных применительно к другим уровням языка, к новому языковому материалу, но и доработкой, уточнением и дальнейшим развитием этих теорий и систематизации методик. В данной работе впервые в монголоведении и отечественном языкознании специально разрабатывается алгоритм работы с синтаксической синонимией: техника разграничения синонимических обстоятельственных ППК, состоящая в поэтапном выявлении внешних (экстралингвистических) и внутренних (семантических) оппозиций. Благодаря применению такого алгоритма выявляются семантические оппозиции, ранее не представленные в грамматических описаниях и типологических работах.

Объектом исследования являются ППК бурятского языка с обстоятельственной семантикой. Отметим, что в диссертации описываются минимальные структуры, представляющие ППК как единицы языка, а не сложные многокомпонентные построения, характерные для письменной речи.

Предметом исследования являются смысловые отношения внутри синонимических групп обстоятельственных ППК в бурятском литературном языке. К обстоятельственным традиционно относятся темпоральные конструкции (следования, предшествования, одновременности, а также “междувременности”), конструкции обусловленности (причинно-следственные, целевые, условные, уступительные), сравнения, сопоставления, образа действия, меры и степени¹. Далее, внутри каждого из

¹ Отметим, что в бурятском языке имеется лишь одна причастно-последложная конструкция с пространственным значением -hАн/-дАг/-хА тээшэ-POSS ‘в том направлении, где/куда’.

названных семантических подтипов обнаруживается целая серия конструкций, для которых не вполне ясно, являются ли они полными синонимами со свободным варьированием или же противопоставлены друг другу по некоторым еще не выявленным основаниям (ср. термин “квазисинонимы” [Апресян 1974: 218, Кронгауз 2001: 171]). Выявление этих оснований-оппозиций, формирующих систему отношений между квазисинонимическими ППК, и является **целью** работы.

Для этого решаются следующие задачи:

- 1) провести полную инвентаризацию и классификацию всех ППК обстоятельственного типа в бурятском языке;
- 2) выявить в каждом семантическом типе микрогруппы с квазисинонимическими конструкциями;
- 3) определить критерии (квази)синонимичности и свободной вариативности;
- 4) разработать методики дифференциации (квази)синонимических полипредикативных конструкций на базе основных методов анализа материала – интроспекции и лингвистического эксперимента [Щерба [1931], Селиверстова [2004], Санников 2008: 31-35]. “При изучении живого языка упор должен быть сделан на лингвистическом экспериментировании” [Санников 2008: 34]. Проверить приложимость к синтаксису методик выявления системообразующих оппозиций, разработанных в лексикологии; при необходимости разработать новые;
- 5) выработать и сформулировать алгоритм описания (квази)синонимических конструкций в новых терминах в соответствии с уточненной теорией классификации обстоятельственных предложений;
- 6) описать бурятские полипредикативные обстоятельственные конструкции в терминах обнаруженных оппозиций и показать специфику системы бурятского сложного предложения.

Теоретическая проблема диссертационного исследования заключается в недостаточной разработанности понятийно-терминологического аппарата для описания выявленных семантических оппозиций и необходимости выработки соответствующих терминов.

Автором выдвигаются две **гипотезы**. Первая гипотеза предполагает, что каждая полипредикативная конструкция из синонимического ряда имеет свою специфику либо экстралингвистического, либо семантического характера. С помощью выработанного алгоритма и обнаруженных релевантных параметров каждой конструкции отводится определенное место в микросистеме синонимической группы.

Согласно второй гипотезе, большое количество обстоятельственных конструкций может быть связано, с одной стороны, с наличием нетривиальных семантических оппозиций, характерных именно для бурятского и, в целом, для монгольских языков. С другой стороны, можно предположить свободное варьирование как следствие бурного развития и становления литературной формы бурятского языка на широкой диалектной базе, возможно и под влиянием русского языка. Этот этап в развитии языка должен сопровождаться лингвистическим осознанием, описанием и нормированием отношений между близкими по значению конструкциями.

Положения, выносимые на защиту:

1. Крупные семантические типы бурятских обстоятельственных конструкций в целом хорошо соотносятся с системами, описанными для других языков и представленными в типологических описаниях. Однако их семантические подгруппы характеризуются наличием неожиданно большого количества разноструктурных синонимических конструкций.

2. Среди бурятских обстоятельственных ППК обнаруживаются синонимические конструкции, различающиеся оттенками значения; например, причастно-послеложные конструкции общего следования с

послелогоми *һүүл-дэ* и *һүүл-ээр*, грамматикализовавшиеся как разные падежные формы слова *һүүл* ‘хвост; конец’ и различающиеся величиной передаваемого интервала между событиями (‘после’ и ‘некоторое время спустя’). Такие конструкции называются квазисинонимическими (ср. квазисинонимы в лексикологии, например, *око* vs. *глаз* и *гребень* vs. *расчёска*). Гораздо реже встречаются синтаксические единицы с небольшим структурным различием, но полностью совпадающие по значению: свободными вариантами являются, например, конструкции общего предшествования с послелогом *урдуур* ‘перед’, различающиеся падежной формой сочетающегося с ним причастия будущего времени (родительный или исходный) (ср. в русском языке свободные варианты, например, *було[Ч]ная* vs. *було[Ш]ная* или род.мн. *плеч* vs. *плечей*).

3. Почти во всех семантических подтипах первым критерием классификации ППК выступает противопоставление “простота/осложненность” базового смысла, например, конструкции следования - простое и осложненное следование; конструкции предшествования – простое и осложненное предшествование и т.д. Далее внутри этих групп ППК классифицируются по различным основаниям в зависимости от семантического типа: например, для темпоральных конструкций релевантными признаками являются охарактеризованность/неохарактеризованность временного интервала, наличие предела и несоответствие ожиданиям. Глубина классификационного иерархического графа в некоторых подтипах достигает 4 уровней.

4. Отмечается корреляция между степенью специализации конструкции и частотностью употребления: чем уже специализация конструкции, тем реже она употребляется. Например, чрезвычайно редко встречаются в текстах и речи такие узкоспециализированные конструкции, как *-xA хирэдэ* ‘в то время, когда (для соотнесения действия главной части со временем суток)’, *-xA-һАА холо урид* ‘задолго до того как’ и т.п.

5. В выражении обстоятельственных отношений огромную роль играют причастно-последложные конструкции. Основными носителями семантики конструкции являются послелого – по происхождению грамматикализованные имена существительные, прилагательные, наречия. В темпоральных ППК используются преимущественно послелого с пространственным значением, ещё раз демонстрируя синкретичность пространственно-временных отношений. В бурятском сложном предложении представлена лишь одна конструкция, выражающая пространственные отношения: *-hAn/-dAg/-xA тээшэ-POSS* ‘в том направлении, где/куда’.

6. Различаются два вида параметров дифференциации: экстралингвистические (по стилевой, диалектной, социальной принадлежности) и семантические, выявление которых было одной из задач исследования.

7. Выявленная нами специфика бурятского языка состоит в том, что в системе обстоятельственных ППК существенную роль играет оценка (ср. рус. *поскольку vs. благодаря тому, что*), причём не только среди причинных конструкций, а также значительно шире по диапазону: представлена положительная и отрицательная, качественная и количественная оценки. Помимо того выявлена уникальная оппозиция “соответствие норме/системе ожиданий vs. отклонение от нормы/несоответствие ожиданиям”.

8. Бурятский синтаксис сложного предложения в целом развивается и расширяется в трёх направлениях: с одной стороны, базовый инвентарь (инфинитных) конструкций расширяется за счёт грамматикализации новых показателей - частиц, послелогов и т.п. (ср. серии послелогов на базе слов с семантикой ‘время’). Далее, этот инвентарь практически удваивается за счёт использования вспомогательных местоименных глаголов *иигэ-* (проксимальный) и *тиигэ-* (дистальный); эти глаголы способны выступать практически во всех базовых конструкциях, превращаясь в местоименно-соотносительные скрепы, вводящие финитные зависимые клаузы. Такие

скрепы нацелены в первую очередь на организацию текста, однако часть из них уже превратилась в союзы, например, *теэд* ‘но’ (дистальный глагол в форме разделительного деепричастия). Наконец, аналогично образуются новые конструкции со скрепами от служебного глагола говорения *гэ*-, большая их часть выступает в изъяснительных конструкциях, однако они широко используются и в обстоятельственных. Их задача в таком употреблении - через стратегию цитирования устанавливать отношения сравнительного характера между некоторым событием и его культурным стереотипом (например, закрепленным в пословицах и поговорках):

Нуур-та бах-ын шээһэн нэмэри гэ-дэг-тэл, би
 озеро-dat лягушка-gen моча прибавка аух-рс.hab-рcl я
тэрг-ын-гээ хойно-һоо түлхи-нэ-б
 телега-gen-refl pstp-abl толкать-prs-1sg

‘Я подталкиваю сзади свою телегу, словно по пословице (букв. наподобие того, как обычно говорят), что для озера и моча лягушки – прибавка’ (Тулаев. 11).

Теоретико-методологической базой исследования послужили фундаментальные труды отечественных и зарубежных лингвистов по структурному, семантическому и коммуникативному синтаксису и функциональной грамматике: В.Г. Адмони, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.А. Белошапковой, А.В. Бондарко, Л.А. Булаховского, А.Н. Гвоздева, Г.А. Золотовой, Т.А. Колосовой, Т.П. Ломтева, И.А. Мельчука, И.В. Недялкова, Е.В. Падучевой, А.М. Пешковского, В.А. Плунгяна, В.З. Санникова, О.Н. Селиверстовой, Е.К. Скрибник, В.П. Сухотина, Л. Теньера, Я.Г. Тестельца, Е. И. Убрятовой, В.С. Храковского, М.И. Черемисиной, Н.Ю. Шведовой, Т.В. Шмелевой и др.

Метаязык описания базируется на русской терминологической традиции, но привлекаются также данные типологических исследований и

исследований по различным европейским языкам (Bernard Comrie, Sonia Cristofaro, William Croft, R.M.W. Dixon & Alexandra Y. Aikhenvald, Talmy Givyn, Katja Hetterle, Bernd Kortmann, Timothy Shopen, Sandra Thompson, Robert E. Longacre, Johan van der Auwera, Robert D. Van Valin и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней на базе данных бурятского языка дополняется и уточняется традиционная классификация сложного предложения и его понятийно-терминологический аппарат, а также выявляются специфические для бурятского языка и, в целом, для монгольских языков, системообразующие параметры-оппозиции и алгоритм последовательной дифференциации синонимических полипредикативных конструкций – одна из важных проблем теоретического синтаксиса.

Практическая значимость исследования заключается в возможности широкого использования полученных результатов при описании синтаксиса не только монгольских, но и других миноритарных языков России. Результаты и материалы исследования будут полезны при составлении синтаксических словарей, учебников и учебно-методических пособий, а также могут быть использованы в лекционных и специальных курсах по синтаксису сложного предложения в бурятском языке.

Подходы и методы исследования. В работе реализуется комплексный (структурно-семантический) подход, при котором план выражения и план содержания языковых единиц рассматриваются в их неразрывном единстве. Также сделан упор на методологические принципы экспланаторности и семантикоцентризма. Основным методом исследования является метод моделирования структуры и семантики сложного (полипредикативного) предложения, позволяющий представить множество речевых реализаций в виде абстрактного образца с конкретной структурой и семантикой. При анализе языкового материала применялись методы интроспекции,

лингвистического эксперимента, дифференциального и компонентного анализа, а также количественный анализ текстового корпуса. При сборе материала использовались традиционные методы первичного лингвистического наблюдения, описания, сопоставления.

Материалом исследования послужила сплошная выборка синтаксических единиц из периодических изданий, из оригинальных художественных произведений бурятских авторов, в том числе размещенных в Бурятском корпусе², экспедиционные материалы, а также данные, полученные при интервьюировании носителей языка. Общий объем выборки составляет более 15000 примеров обстоятельственной семантики. С появлением электронного корпуса значительно расширились возможности обследования больших массивов текстов, поиска нужных языковых фактов и анализа их дистрибуции, а также выявления частотности употребления. Все это, несомненно, повышает надежность и достоверность выводов, а также выдвигаемых положений.

В работе описываются языковые модели как принципиальные схемы построения фраз одной синтаксической семантики, базирующиеся на общих структурных и семантических характеристиках множества конкретных речевых примеров. Для записи моделей используется слегка модифицированная система символов и обозначений, разработанная Новосибирской синтаксической школой и представленная в коллективной монографии «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986]. Эта система символов применена во многих описаниях синтаксиса языков Сибири (Буркова 2002, Ефремов 1998, Кошкарева 2007, Шамина 2001 и мн. др.). В ней используются символы морфологических классов (N – имя; именная группа; V – глагол; N-NOM – имя в прямом падеже, N-GEN – имя в родительном падеже, N-POSS –

² http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru,

имя с притяжательными показателями; V-FIN, V-CVB – финитная и деепричастная форма глагола; V-PC.FUT-DAT-POSS – форма причастия будущего времени в дательном-местном падеже с показателями притяжания; и т. д.), символы синтаксических единиц (ПЕ – предикативная единица, ЗПЕ – зависимая предикативная единица, МСФ – моносубъектная фраза и др.), символы грамматических отношений (\leftarrow – управление, \leftrightarrow – координация и т.д.), семантические пометы (V^{em} – эмотивный глагол, V^{inf} – глагол оперирования информацией, L^{eval} – оценочная лексема и др.). Там, где необходимо, используются символы не классов форм (причастие – PC), а конкретных форм (-хА, -hАн для соответствующих причастий; -ые, -ын, -да для винительного, родительного, дательного-местного падежей и др.) – в таком случае выбирается основной фонетический вариант аффикса.

Апробация работы. Результаты диссертации были представлены в докладах на международных научных конференциях в России, Монголии, Китае и Германии, всероссийских и региональных конференциях в 2008-2018 гг.: Международной научной конференции «Улымжиевские чтения-4» (2008, Улан-Батор, Монголия); Международной научной конференции «Россия в Монголии» (2008, Улан-Батор, Монголия); Международном colloquium «Синтаксис монгольских языков» (2008, Мюнхен, Германия); Международной научной конференции «История. Язык. Культура» (2009, Улан-Батор, Монголия); Международных научных чтений «Баяртуевские чтения-1» (2009, Улан-Удэ); Международной научной конференции «Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия» (2009, Улан-Удэ, Россия); Международной научной конференции «Монголия на перекрестке внешних миграций» (2010, Улан-Батор, Монголия); Международной научной конференции «Язык и общество в современной России и других странах» (2010, Москва); Международной научной конференции «Языки и письменные источники монгольских народов» (2010, Улан-Удэ); XI Международной научно-практической

конференции «Актуальные проблемы монголо-российского сотрудничества: языковой, культурно-исторический, экономический аспекты» (2015, Улан-Батор, Монголия); Международной конференции «Arctic dialogue in the global world» (2015, Улан-Удэ); Международном симпозиуме по монголоведным исследованиям (2015, Хух-Хот, Китай); Международная конференция «Алтаргана» (2016, Улан-Удэ); Международной научно-практической конференции «Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования» (2018, Улан-Удэ); Третьей Международной конференции по монгольскому языкознанию «Стандартизация, нормирование, информатизация и интернационализация монгольских языков» (2018, Линдун, Китай); Всероссийской научной конференции «Традиционная культура Сибири: языки, миф, фольклор. К 100-летию со дня рождения Л.Е. Элиасова (1914–1976)» (2014, Улан-Удэ).

Публикации. Основные положения диссертационного исследования отражены в 4 монографиях: «Полипредикативные конструкции с подчинительной связью в бурятском языке» (Улан-Удэ, 2001 – 6 п.л.), «Полипредикативные конструкции обусловленности в бурятском языке» (в соавт. Скрибник Е.К.) (Улан-Удэ, 2007 – 10 п.л.), «Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвоисторическое исследование)» (коллектив авторов) (Улан-Удэ, 2009; 13,5 п.л.), «Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения» (в соавт. Скрибник Е.К.) (Улан-Удэ, 2016 – 36,7 п.л.); 43 научных статьях, в том числе 16 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК. Из них 3 статьи входят в Международную базу Wos.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка глосс, списка использованной литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность, научная новизна темы,

формулируются цели и задачи, решаемые в диссертации, определяются объект, предмет, материал и методы исследования, раскрываются теоретическая и практическая значимость работы.

В главе I «Синтаксическая синонимия: история изучения и исследовательские проблемы» отмечаются и прослеживаются основные направления в изучении сложного (полипредикативного) предложения в монгольских языках, как в нашей стране, так и за рубежом; обсуждается понятие синтаксической синонимии, история и основные подходы в ее изучении, а также излагается концепция диссертанта, заключающаяся в разработке алгоритма дифференциации квазисинонимических ППК и поиске релевантных системообразующих параметров.

В параграфе 1.1 «Основные тенденции в изучении современного сложного предложения в отечественном и зарубежном монголоведении» обобщаются синтаксические работы монголоведов России и зарубежных стран, демонстрирующие современные тенденции в изучении сложного предложения.

Такие ведущие отечественные монголоведы, как Г.Д. Санжеев, Т.А. Бертагаев, Д.-Н.Д. Доржиев, Г.Ц. Пюрбеев, Ц.Ц. Цыдыпов, ориентировавшиеся на русскую грамматическую традицию, основной акцент делали на сложные предложения, соответствующие индоевропейским, а значит, на поиск и описание формальных показателей связи - союзов и союзных слов, объединяющих финитные предложения в бифинитную конструкцию, хотя таких в бурятском довольно мало. Начало структурно-семантическому описанию всего массива бурятских полипредикативных конструкций, включая монофинитные, положила Е.К. Скрибник в своей монографии «Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке» [1988]; это исследование было продолжено в соавторстве с диссертантом в монографиях «Полипредикативные конструкции

обусловленности в бурятском языке» [2007] и «Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения» [2016].

В современном калмыковедении известны работы В.Н. Мушаева, Э.У. Омакаевой; типологически ориентированные исследования сложного предложения проводятся сотрудниками Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург): это В.В. Баранова, М.Ю. Князев, К.А. Крапивина, С.С. Сай, Н.В. Сердобольская.

Синтаксические исследования за рубежом в настоящее время представляют такие ученые, как О. Самбуудорж, Б. Пүрэв-Очир, М. Базаррагчаа, С. Мөнгөнцэцэг, А. Сэндержав, Б. Батбаяр (Улан-Батор, Монголия), Энх, Хасгэрэл (Хух-Хот, Китай), Янхунен (Хельсинки, Финляндия), Е. К. Скрибник (Мюнхен, Германия), Dolgor Guntsetseg (Штутгарт, Германия), Olga Seesing (Мюнхен, Германия), Karl Rudolf Bittigau (Бонн, Германия), В. Brosig (Тайвань), Жолт Тот (Будапешт, Венгрия).

В Монголии синтаксис современного халха-монгольского языка исследуется в направлениях формальной, сравнительно-сопоставительной и компьютерной лингвистики.

В Германии группа монголоведов под руководством профессора Е.К. Скрибник исследует полипредикативный синтаксис бурятского, калмыцкого и халха-монгольского языков в русле грамматики конструкций. Опубликованы такие работы, как *Die temporalen Infinitkonstruktionen im Kalmückischen* [Seesing, Olga 2013]; *Differential Case Marking in Mongolian* [Dolgor Guntsetseg 2016]. В настоящее время завершается создание электронного Корпуса монгольских адвербиальных конструкций и монографии с сопоставительным анализом таких конструкций в трех монгольских языках.

Таким образом, синтаксис сложного (полипредикативного) предложения в монгольских языках на современном этапе достаточно активно изучается с разных теоретических и методологических позиций и направлений.

В параграфе 1.2 «История изучения синтаксической синонимии в русской лингвистике» прослеживается эволюция взглядов ученых на явление синтаксической синонимии и критерии синонимичности в отечественном языкознании.

«Настоящих синонимов в естественном языке достаточно мало. Гораздо чаще встречаются слова с близкими, очень похожими, но не полностью совпадающими значениями. Семантические различия между такими словами нелегко сформулировать, и поэтому они не всегда отражаются в реальных словарях. Описание неполных синонимов представляет особую лингвистическую задачу. Такие слова называются также неточными синонимами или квазисинонимами. Неточные синонимы могут различаться нюансами значения, по стилю, по ситуациям, в которых они употребляются, и другими признаками» [Кронгауз 2001: 171].

Обзор научных работ по синтаксической синонимике в русском языке показывает, что большинство ученых обращали внимание на стилистический аспект этого явления: А.М. Пешковский, Л.А. Булаховский, А.Н. Гвоздев и др.

Значительный вклад в разработку проблем синтаксической синонимии внес В. П. Сухотин своей монографией «Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке» [1960]. Он дает следующее определение синонимам: «Под синтаксическими синонимами мы понимаем такие различающиеся по структуре свободные соединения одних и тех же слов (словосочетания), а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной

действительности» [Там же: 14]. В числе признаков синонимичности Сухотин называет выражение определенных видов отношений, их однородность, возможность взаимозамены синтаксических конструкций. Он полагает, что «Близкие по значению синтаксические образования только в том случае могут быть отнесены к синонимам, если наряду с объединяющими их элементами наличествуют хотя бы минимальные структурно-семантические различия» [Там же: 21], т.е. синтаксическими синонимами он называет то, что Ю.Д. Апресян и М.А. Кронгауз определяют как квазисинонимы.

Обзор работ середины двадцатого века по синтаксической синонимии в русском языке показал, во-первых, эволюцию взглядов на природу явления синонимии, во-вторых, неоднозначность критериев определения синтаксических синонимов, в-третьих, наличие терминологического многообразия: синтаксические параллельные конструкции, тождества, варианты, дублеты, синтаксические синонимы.

В параграфе 1.3 «Синтаксическая синонимия в бурятском языке: внутренний и внешний аспекты» впервые описывается явление бурятской синтаксической синонимии на уровне ППК, проявляющееся достаточно ярко и разнообразно: особенно в плане оппозиций, и в меньшей степени в плане свободной вариативности. Синонимический ряд (или микрогруппа) может быть представлен разными структурными типами конструкций: причастно-последовательными, причастно-падежными, деепричастными и с частицами. Особенно активно ресурс выразительных средств в обстоятельственном блоке пополняется за счет причастно-последовательных конструкций, образованных на базе послелогов (по происхождению грамматикализованных имен существительных, прилагательных, наречий). Техника построения этих конструкций довольно проста: в зависимой части причастная форма + послелог как основной носитель семантики связи, в случае разносубъектности – субъект в родительном падеже и/или показатели

личного притяжания, в случае моносубъектности обязательное маркирование показателем субъектного (возвратного) притяжания. Этот тип составляет подавляющее большинство конструкций обстоятельственного блока.

Достаточно много обстоятельственных значений выражается также деепричастными конструкциями - это временные значения, условия, уступки, образа действия, цели. В гораздо меньшем количестве представлены причастно-падежные конструкции, обслуживающие преимущественно изъяснительную и эмотивную зоны. Они в основном задействованы в выражении общей временной соотнесенности, ограничительного предшествования, нейтральной причины, санкции, образа действия, соответствия. Зону сравнения и условия обслуживает небольшое количество ППК с частицами.

В ходе многоуровневой семантической классификации обстоятельственных конструкций, как уже говорилось, было выявлено неожиданно большое количество синонимических конструкций. На первом этапе классификации были выделены традиционные семантические типы обстоятельственных конструкций: темпоральные, причинно-следственные, целевые, условные, уступительные, сравнения, образа действия, меры и степени. На следующем этапе обнаружили как уже известные подтипы, так и новые; так, среди темпоральных, кроме следования, предшествования и одновременности, нам удалось определить еще один подтип - конструкцию "междувременности": трёхчленная конструкция, в которой главное действие происходит в промежутке между двумя зависимыми.

При дальнейшей, более детальной классификации обнаружили, во-первых, семантические микрогруппы, отличные от описанных в русской и типологической традициях, во-вторых, неожиданно большое количество синонимичных конструкций во всех семантических микрогруппах (от 3 до 12 конструкций).

С первого взгляда конструкции в этих микрогруппах выглядят полными синонимами, лишь в отдельных случаях бросаются в глаза различия стилевые, например, конструкции с послелогоми *ашаар* ‘благодаря’ (книжн.) и *хайгаар* ‘благодаря’ (разг.), либо диалектные, например, конструкции с послелогом *муртэ-POSS* (позиция маркеров притяжания как показателей грамматического лица) ‘пока, в то время, когда’. Однако в результате анализа таких микрогрупп с использованием методов интроспекции и адаптированных для синтаксических конструкций способов лингвистического экспериментирования (см. [Санников 2008]), а также контекстного и компонентного анализов часто выявлялись дифференцирующие оппозиции, как уже известные, так и специфические. Техники анализа, позволяющего обнаруживать такие системообразующие оппозиции, и порядок их применения мы обобщили в качестве алгоритма, который и является методологическим итогом нашего исследования.

Специфические микрогруппы, выделенные нами в бурятском языке, - это конструкции следования, не соответствующего ожиданиям, приблизительной одновременности, одновременности с прагматической оценкой, конструкции причины с количественной оценкой, конструкции “долгосрочной” цели и цели-мотивации, а также цели с оценочным компонентом, конструкции сравнения-интерпретации, конструкции образа действия с несоответствием ожиданиям, конструкция действия в соответствии с социальными нормами или индивидуальными стереотипами.

Таким образом, для системы обстоятельственного сложного предложения в бурятском языке важны такие дополнительные оппозиции, как “норма/система ожиданий vs. отклонение от нормы/несоответствие ожиданиям”, а также разные виды оценки, положительной и отрицательной, качественной и количественной, дополнительное акцентирование выражаемого значения.

В параграфе 1.4 «Алгоритм и параметры дифференциации квазисинонимических конструкций в современном бурятском языке» излагается наш подход к проблеме дифференциации (квази)синонимических полипредикативных конструкций, заключающийся в разработке методики выявления смысловых оппозиций и составления алгоритма последовательных операций.

Опираясь на разработки лексикологов, (квази)синонимичными полипредикативными конструкциями будем считать некоторое множество бипредикативных конструкций, выражающих близкие значения и различающихся по тем или иным параметрам (как писал В.П. Сухотин, самым трудным для лингвиста является именно описание различительных признаков [1960: 20]).

Границу между вариантами и синонимами мы определяем путем разграничения конструкций, полностью взаимозаменяемых и совпадающих по семантике (варианты или полные синонимы) и имеющих различного рода отличия (квазисинонимы). Примером свободной вариативности являются две конструкции с послелогом *урдуур*, различающиеся падежными формами причастия будущего времени – в исходном и родительном падежах. Падежные формы здесь не влияют на семантику конструкций - ‘перед тем как’ (общее предшествование).

Основная трудность, как уже подчеркивалось, состояла в поиске семантических и иных параметров, позволяющих выявить системные отношения в группе близких по значению конструкций. Если на стилевые различия синонимических единиц уже указывалось (Л.А. Булаховский, А.Н. Гвоздев, В.П. Сухотин, М.А. Кронгауз, Тот Жолт и др.), то обобщающих работ по семантическим параметрам, очень мало. Хотя мы работали с данными бурятского языка, при анализе мы проверяли приложимость некоторых подходящих семантических параметров, описанных для русского

языка [Грамматика русского языка. Синтаксис 1982: 541-615] или в типологических работах.

Тем не менее, поиск семантических параметров осуществлялся в первую очередь внутри самого бурятского языка путем анализа, во-первых, составляющих элементов конструкции, во-вторых, контекста её употребления. Исследование таких формальных маркеров смысловозначения, как падежные аффиксы, показало, что некоторые из них (например, орудный, дательно-местный) вносят в семантику всей конструкции дополнительные оттенки. Еще более существенную смысловозначительную роль играют аналитические показатели грамматической связи, особенно послелого. Фиксированная форма причастия - один из факторов грамматикализации - также влияет на значение конструкции в целом. Так, причастие прошедшего времени в сочетании с послелогом выражает значения, сопряженные с фактивностью (например, конструкции следования, причинно-следственные конструкции), причастие будущего времени - значения, связанные с предстоянием, гипотетичностью (конструкции предшествования и одновременности, целевые конструкции), причастие многократное - значения, связанные с итеративностью и хабитуальностью (причинно-следственные, образа действия). В целом же значение конструкции выражается идиоматизированным сочетанием инфинитных форм и показателей связи.

Еще одним различительным параметром квазисинонимических конструкций может являться их принципиальная моносубъектность (например, у конструкций цели) или разносубъектность (например, у конструкций санкции), которые часто зависят либо от семантики главного сказуемого, либо от семантики всего предложения. Вариативно-субъектные конструкции, допускающие обе реализации, таких семантических ограничений не имеют. С другой стороны, у некоторых конструкций

моносубъектная (МСК) и разносубъектная (РСК) реализации расходятся и начинают специализироваться на выражении разных значений, например, V-AA-гүй-дэ (МСК) ‘пока не’ и V-AA-гүй-дэ (РСК) ‘перед тем как’.

Наконец, большую роль в определении значения конструкции играет контекст. Из лексикологии нам известно, что “наиболее существенную роль контекст играет в разрешении многозначности лингвистических единиц. Не считая случаев нарочитой или случайной (непреднамеренной) двусмысленности, контекст служит тем средством, которое как бы «снимает» у той или иной многозначной единицы все ее значения, кроме одного” [Бархударов Л.С. 1975:169]. Однако контекст не только способствует разрешению многозначности, но и помогает выявить дополнительные “скрытые” оттенки значения, например, оттенок несоответствия ожиданиям у конструкции -хА-һАА урид ‘перед тем как, прежде чем (неожиданно)’.

Отдельно нужно отметить наличие/отсутствие отрицания в обстоятельственном блоке: оно присутствует в так называемой зоне логических отношений, иначе обусловленности (причинно-следственные, целевые, условные и уступки) и практически отсутствует в темпоральной. Более того, использование аффикса отрицания, например, в конструкции общей временной соотнесенности -хА-да ‘когда’, приводит к трансформации темпорального значения в причинное: -хА-гүй-дэ ‘поскольку’.

Завершающим, и в то же время важным этапом дифференциации является лингвистический эксперимент, подтверждающий либо отвергающий предварительные итоги наблюдений. В качестве исходной мы выбирали по возможности нейтральную фразу и путем подстановок синонимических конструкций проверяли семантические и функциональные ограничения. То, что отбраковывалось (“отрицательный языковой материал” по [Щерба 1931, Санников 2008]), подвергалось еще более тщательному наблюдению и анализу причин.

Итак, в алгоритме дифференциации мы различаем несколько этапов: 1) среди набора одноуровневых синтаксических синонимов выявляются варианты и квазисинонимы; 2) последние далее дифференцируются по экстралингвистическим параметрам (стилистические, диалектные и т.п. синонимы); 3) далее по семантическим и функциональным параметрам (нейтральные синонимы с наиболее обобщенным значением и семантически осложненные либо функционально ограниченные, напр., конструкции с послелогом *хирэдэ* для временной привязки главного действия ко времени суток); 4) интроспекция и лингвистический эксперимент с дополнительным анализом отрицательного языкового материала; 5) количественные подсчеты.

Блок-схема 1. Этапы алгоритма дифференциации квазисинонимических конструкций.

В главе II «Дифференциация квазисинонимических темпоральных конструкций» проводится дифференциация квазисинонимических конструкций темпоральной семантики в соответствии с разработанным алгоритмом. Анализируются конкретные темпоральные отношения: одновременности и разновременности, т.е. следования (главного действия за

зависимым) и предшествования (главного действия зависимому), а также “междувременности”. Существенную роль здесь играют послелого, сопровождающие причастные формы в ЗПЕ и часто определяющие значение конструкции в целом. Так, послелого со значением ‘позади, после, за’ (*удаа, һүүлдэ, һүүлээр, хойно*) задействованы в образовании конструкций следования; послелого со значением ‘впереди, раньше, заранее’ (*урда, урид, урдуур, түрүүн*) – конструкций предшествования; грамматикализовавшиеся формы дательного-местного падежа от слов со значением ‘время, пора’ (*сагта, үе-дэ, хирэ-дэ*) участвуют в образовании конструкций одновременности; значение “междувременности” передается с участием послелога *хоорондо* ‘между’. Послелого также управляют падежной формой причастия в ЗПЕ. При семантической дифференциации конструкций мы часто опираемся именно на оттенки, вносимые послелогоми.

В параграфе 2.1 «Квазисинонимические конструкции следования» выделяются и рассматриваются следующие квазисинонимические группы конструкций следования (они же и семантические подтипы): простого следования - общего, близкого и мгновенного, а также осложнённого следования - ограничительного и с несоответствием ожиданиям.

Выборка по корпусу бурятского языка и текстам дала 19 конструкций следования, из них 16 однозначно специализированных и три неоднозначно специализированных, т.е. совмещающих несколько специализированных временных значений. Из них полными синонимами оказались две причастно-послеложные конструкции *-хА-тАй адли* и *-хА-тАй сасуу* ‘как только’.

В целом за конструкциями следования закреплена форма причастия прошедшего времени на *-һАн*, за исключением конструкций мгновенного следования (*-хА*), смежных с конструкциями одновременности. Отрицание отсутствует (кроме одной специфической конструкции с несоответствием ожиданиям).

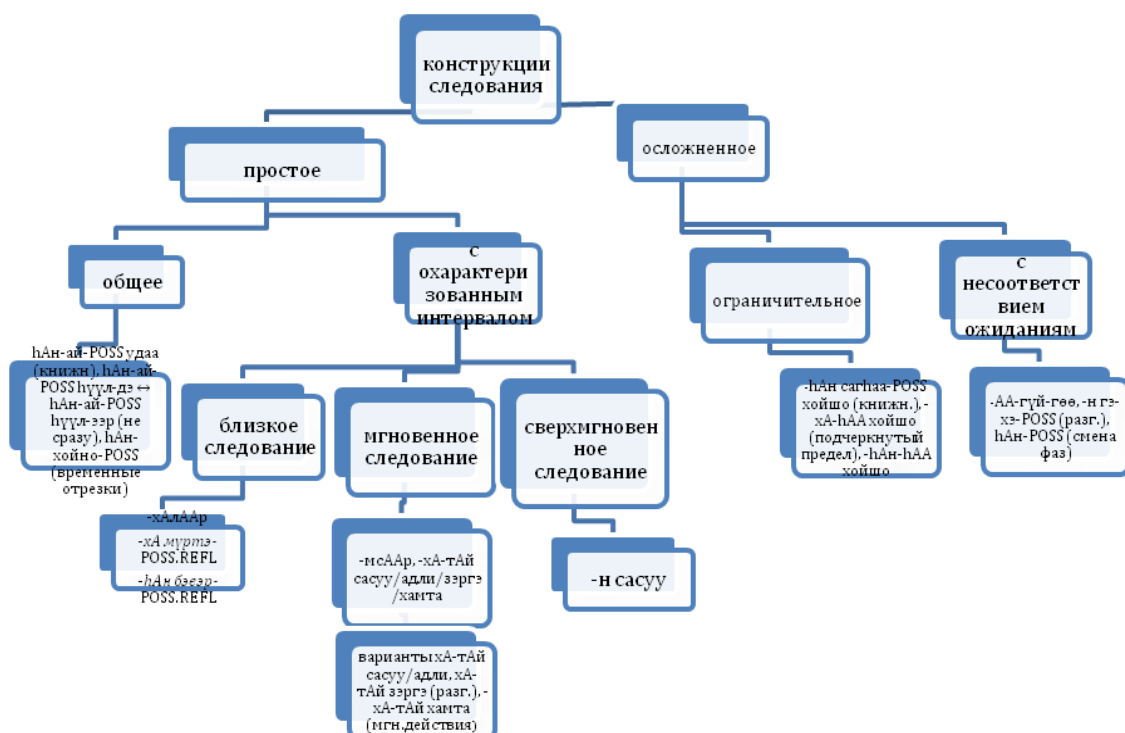
Экстралингвистический параметр принадлежности к книжному или разговорному стилю стал дифференцирующим для конструкций *-hAn-ay удаа* ‘после того как’, *-hAn saghaa-POSS хойшо* ‘с того времени как’ (книжн.), *-xA-mAy зэргэ* ‘как только’, *-AA-гүй-гөө* ‘не... (и вот неожиданно)...’, *-н гэ-хэ-POSS* ‘когда..., но (неожиданно)’ (разг.).

Смыслоразличительными элементами в зоне следования являются, помимо послелогов, также падежные показатели и формы причастий. Так, конструкции общего следования с послелогоми *hүүл-дэ* и *hүүл-ээр* ‘после того как’ (от *hүүл* ‘конец’ с аффиксами дательного-местного и орудного падежей) дополнительно подчеркивают полную завершенность зависимого события. Семантическое отличие между ними определить очень трудно, но мы склоняемся к версии, что послелог в форме орудного падежа содержит сему ‘протяженность во времени’, и поэтому контакт между событиями в конструкции менее тесный. Различие, видимо, задаётся исходной семантикой падежей: дательного-местный указывает обычно на точечную локализованность (‘на’, ‘в’ и т.д.), а орудный – на протяженность (‘вдоль’).

Применение контекстного анализа выявило помимо двух известных семантических параметров - охарактеризованности/неохарактеризованности временного интервала (ср. ‘после того как’ и ‘как только’) и предела (ср. ‘после того как’ и ‘с тех пор как’), также дополнительный третий: несоответствие ожиданиям (‘после того как А, неожиданно Б’). Способность конструкции строить моносубъектные и/или разносубъектные фразы также послужила дифференцирующим признаком, например, разносубъектный вариант конструкции *-hAn хойно-POSS* помимо значения общего следования специализируется также на выражении отсчёта времени (‘После того как прошло X лет/дней/часов, случилось А’), а моносубъектный вариант с утвердительной частицей *hэн* (*-hAn hэн хойно-POSS.REFL*) выражает причину. Значение близкого следования выражают только моносубъектные

варианты неоднозначно специализированных конструкций *-хА муртэ-POSS.REFL* ‘в то время как, как только’ и *-hАн бэээр-POSS.REFL* ‘затем, как только’. Для них и для *-хА-тАй-POSS.REFL* *хамта* ‘как только; одновременно с тем как’ дополнительным фактором различия является лексико-грамматическая поддержка (значение следования задается глаголами с семантикой мгновенного действия либо с соответствующими аспектуальными маркерами). В микрогруппе близкого следования семантической оппозицией выступил интервал: собственно близкое следование (*-хАлАар*), мгновенное (*мсАар*, *-хА-тАй сасуу/адли/зэргэ/хамта*), сверхмгновенное (*-н сасуу*). В микрогруппе с несоответствием ожиданиям оказались важны такие оппозиции, как смена фаз в рамках одного хода событий и подчеркнутое несоответствие ожиданиям.

Блок-схема 2. Семантическая классификация и дифференциация квазисинонимических конструкций следования

В параграфе 2.2. «Квазисинонимические конструкции предшествования» выделяются две группы конструкций: простого

предшествования (в том числе общего и с охарактеризованным интервалом) и осложненного (в том числе ограничительного и со значением опережения, нарушения нормы).

Основным носителем значения предшествования является послелог: большинство конструкций строятся с послелогами от наречий *урда* ‘впереди; раньше’ и *урид* ‘раньше, заранее’ с некоторым формальным варьированием. Аффикс орудного падежа в составе послелога, как уже говорилось, привносит в конструкцию оттенок протяженности, неопределенности: *урд-уур* ‘(приблизительно) перед тем как’. Со значением предшествования связан также показатель причастия будущего времени *-хА*. Форма падежа причастия, исходный или родительный, различительной функции не несёт: конструкции *-х-ын-POSS урд-уур* и *-хА-һАА урд-уур* ‘(приблизительно) перед тем как’ мы считаем вариантами.

Отрицание связано со значением ограничительного предшествования: начальный предел выражается появлением отрицания в главной части конструкции *-АА-гүй-дэ-POSS* ‘пока не’.

В конструкциях близкого предшествования используется еще один дополнительный элемент - уменьшительный суффикс *-хана*, сокращающий временной интервал: *-х-ын-POSS урда-хана* ‘(незадолго) перед тем как’. Аналогичное значение можно выразить лексически, наречием-частицей *тээ-хэнэ*.

Стилистически маркированными здесь являются конструкции *-хА хурэтэр* ‘до тех пор, пока’ (книжн.) и *-хаа байхада* ‘(непосредственно перед тем как)’ (разг.).

В микрогруппе общего предшествования, где выражаются отношения между обычными событиями, две вариативные конструкции *-х-ын-POSS урд-уур* и *-хА-һАА урд-уур* ‘(приблизительно) перед тем как’, в отличие от *-х-ын*

урда ‘перед тем как’ имеют семантический оттенок приблизительности и растянутости.

В микрогруппе охарактеризованного интервала с близким предшествованием выделяется принципиально разговорная конструкция *-хаа байхада* ‘(непосредственно перед тем как)’. Наблюдаются следующие семантические противопоставления: *-хаа байхада* ‘(непосредственно перед тем как)’ ↔ *-х-ын-POSS урда тээхэнэ, урдахана* ‘(близко) перед тем как’ ↔ *-хА-һАА-POSS тээ урид* ‘(незадолго) перед тем как’ ↔ *-хА-һАА-POSS урдахан-уур* ‘(незадолго и приблизительно) перед тем как’.

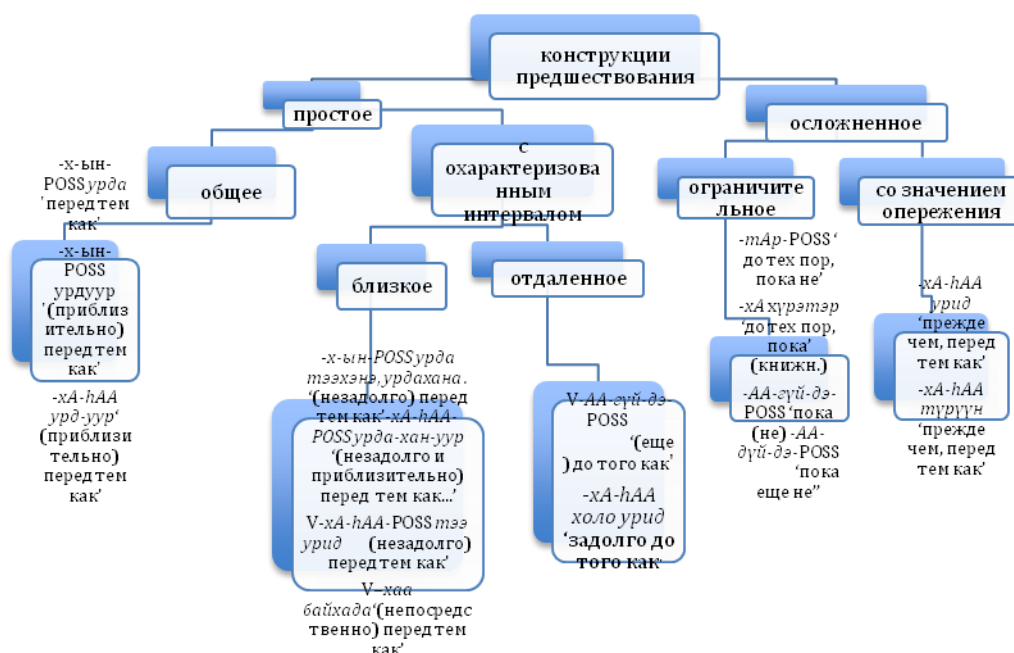
Впервые в бурятском языкознании мы выделяем специализированную конструкцию отдаленного предшествования *-хА-һАА холо урид* ‘задолго до того как’, противоположного близкому предшествованию.

В микрогруппе ограничительного предшествования мы различаем значение предела в чистом виде (конструкция с предельным деепричастием на *-таp*) и осложненное значение предела - дополнительно подчеркивается невозможность или затруднительность выполнения главного действия после некоторого предела, обозначенного в ЗПЕ (*-АА-зүй-дэ-POSS* ‘пока не’).

Конструкции осложненного предшествования, объединенные значением намеренного опережения, могут выражать дополнительные смысловые оттенки: невозможности осуществления главного события при наступлении зависимого (*-хА-һАА урид* ‘перед тем как, прежде чем’, *-хА-һАА түрүүн* ‘перед тем как, прежде чем’), предотвращения, аннулирования зависимого события, нарушения нормы (*хА-һАА урид*).

Блок-схема 3. Семантическая классификация и дифференциация

квазисинонимических конструкций предшествования.

В параграфе 2.3. «Квазисинонимические конструкции одновременности» выделяются традиционные типы простой (5 конструкций общей одновременности, 3 полной, 2 частичной) и осложненной одновременности (6 конструкций ограничительной, 7 прерывной или кратной, 3 приблизительной одновременности и 1 с прагматической оценкой).

Смыслоразличительными элементами в зоне одновременности выступают опять же послелого и их падежные формы, а также причастия. За конструкциями этого типа закреплено причастие будущего времени (-хА), кроме конструкций ограничительной одновременности, где представлено причастие прошедшего времени на -һАн, маркирующее фактивность. Причастия используются в основном в беспадежной форме, реже с показателем род.п. Что касается падежей в составе послелогов, дательноместный падеж и орудный вносят те же оттенки, о которых говорилось выше. Отрицательных форм в этой зоне нет. Полных синонимов здесь не обнаружено.

В определении значения у многозначных конструкций большую роль играет лексико-грамматическая поддержка. Так, конструкции *-xA зуура-POSS* ‘пока, во время, когда, в тот момент, когда’, *-xA муртэ* ‘пока, в то время, когда, как только’ с глаголами с семантикой длительного действия выражают значение длительной одновременности, а с глаголами с семантикой мгновенного действия либо с соответствующими аспектуальными маркерами - значение точечной либо фоновой одновременности.

Дифференцирующими экстралингвистическими параметрами среди квазисинонимических конструкций одновременности выступили стилевые характеристики (*-xA үедэ* ‘в то время, когда’, *-x-ын-POSS тэндэ* ‘в тот момент, когда’, *-xA туршада* ‘пока, в то время, когда’ в книжном стиле; *-xA тума-POSS* ‘всякий раз, когда’ в разговорном стиле) и функциональные специализации (*-xA хирэдэ* ‘в то время, когда’ для соотнесения действия главной части со временем суток).

Семантическим параметром дифференциации в микрогруппе квазисинонимических конструкций общей одновременности является приблизительность (*xA саг-аар-POSS*, *xA үе-эр-POSS* ‘(приблизительно) в то время, когда’).

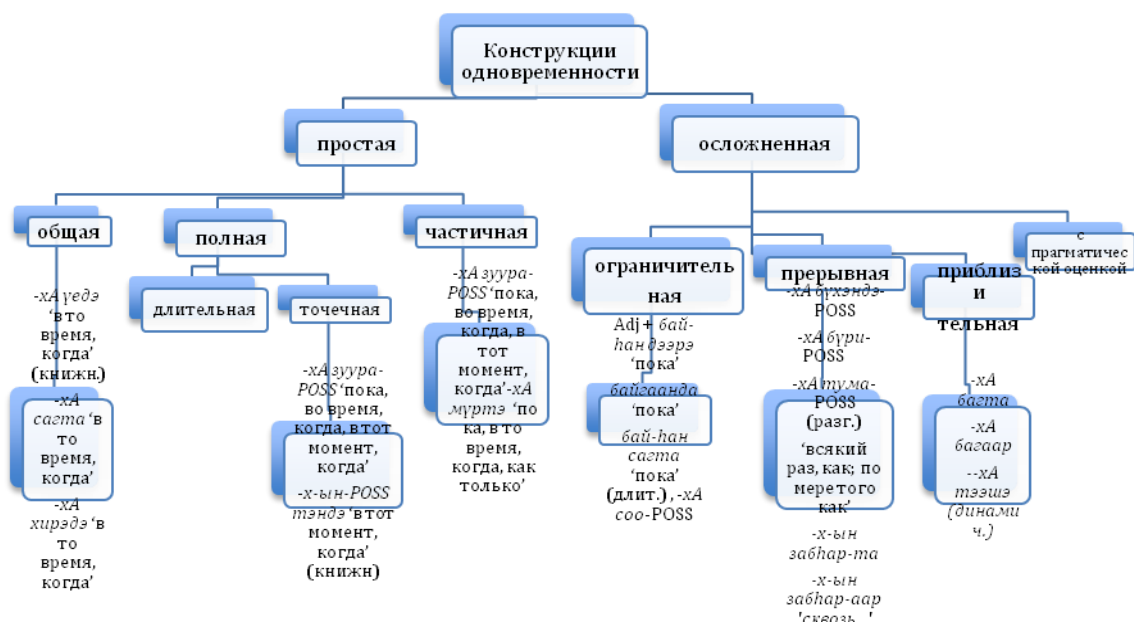
В конструкциях более сложного типа базовая семантика одновременности осложняется разного рода дополнительными значениями: предела, прерывности, приблизительности и подходящего момента.

Внутри конструкций ограничительной одновременности различаются два семантических типа конструкций: (1) *Adj + бай-һан дээрэ* ‘пока’ и *байгаанда* ‘пока’ описываются единичные (ограниченные во времени) события или действия, и (2) *бай-һан сагта* ‘пока’ - длительные состояния (‘пока жив’, ‘пока я бухгалтер’ и т.п.), часто с модально-экспрессивной окраской.

Среди конструкций прерывной (кратной) одновременности различаются две семантические разновидности: 1) главное событие происходит многократно, всегда одновременно с наступлением также повторяющегося зависимого события (конструкция *-xA бури* ‘А всякий раз, когда Б; А по мере того как Б’ выражает это значение только с предикатами, не способными выражать динамическое изменение характеристик действия); 2) главное событие происходит однократно или многократно в промежутках между повторениями зависимого события (конструкция *-x-ын забһар-аар* ‘А в промежутке Б’ отличается от *-x-ын забһар-та* небольшим семантическим оттенком: в зависимой части описывается интенсивное действие (например, громкий звук, плач), сквозь которое “пробивается” главное). В микрогруппе приблизительной одновременности конструкция с послелогом *-xA тээшэ* ‘к, к тому времени как’ передает это значение с оттенком динамичности: в зависимой части таких предложений событие представлено как растянутое во времени, причем динамически развивающееся, а главное событие происходит на его фоне.

Расхождение моносубъектных и разносубъектных реализаций по разным значениям наблюдается в конструкции с послелогом *хоорондо* ‘между, промежуток’: в МСК реализуется значение фоновой одновременности, т.е. субъект на фоне выполнения одного действия совершает более значимое другое; в РСК же зависимое действие воспринимается говорящим как субъективно краткий промежуток времени, в рамках которого успевает произойти главное действие. Кроме того, на базе этого послелога образуется трехчленная конструкция с совершенно новым типом темпоральной семантики - “междувременности”, когда главное событие происходит между двумя зависимыми событиями, выраженными соединительным деепричастием на *-жа* и причастием будущего времени на *-xA*.

Блок-схема 4. Семантическая классификация и дифференциация квазисинонимических конструкций одновременности

В главе III «Дифференциация квазисинонимических конструкций обусловленности» проводится анализ конструкций причины и следствия, цели, условия и уступки. Здесь основными носителями значения являются также послелогои, но возрастает количество и роль служебных слов другого типа, причастно-падежных и деепричастных форм.

В параграфе 3.1 “Квазисинонимические конструкции причины” рассматриваются 22 конструкции разных структурных типов, выражающие причинно-следственные отношения. Вариантами являются конструкции с послелогоми V-PC *шалтагаан-һаа/шалтагаан-аар* ‘по причине’, хотя они начали расходиться по комбинаторике: с исходным падежом чаще используется причастие многократное, а с орудным – причастие прошедшего времени.

Из экстралингвистических параметров актуальными оказались принадлежность книжному и разговорному стилю.

ППК причины характеризуются в первую очередь тем, что в зависимой

части называется реально произошедшее событие. Формально это выражается употреблением в качестве зависимого сказуемого причастий прошедшего времени, настояще-прошедшего времени, многократного. Отрицание представлено здесь достаточно широко.

Из десяти квазисинонимических конструкций самой крупной семантической микрогруппы нейтральной причины 5 относятся к книжному стилю: это конструкции с послелогом V-PC-NEG *дээрэхээ-POSS* ‘поскольку’, *ушарһаа* ‘поскольку’, *шалтагаан-һаа/шалтагаан-аар* ‘поскольку, так как’, бифинитная конструкция (ПЕ), *юундэб гэхэдэ*, (ПЕ) ‘а именно потому, что...’. Конструкция с *һэн хойно* ‘поскольку’ преобладает в разговорной речи. Серия конструкций с дательном-местным падежом причастия (*-һан-да*, V-PC-*гүй бай-һан-д-аа*) тяготеет к выражению субъективной причины, т. е. обусловленности главного действия психическими, эмоциональными или физическими характеристиками его исполнителя. Одна из них (...V^{em.} *-һан-д-аа*) (N-NOM ↔ V^{physical reaction}) специализируется на выражении значения эмоционально обусловленного поведения, где зависимое сказуемое – эмотивный глагол, а главное, как правило, глагол с семантикой физической реакции («заплакать») или неожиданного, неконтролируемого или слабоконтролируемого действия. Конструкция V-PC-(NEG) *хада-POSS* является чрезвычайно частотной и подразумевает «логическую причину»; при трансформационном анализе она способна замещать практически все остальные конструкции, за исключением ситуаций, где следствие является нетривиальным и не соответствующим общей системе ожиданий.

В микрогруппе осложненной причины наряду с причинным смыслом выражаются дополнительные оценочные значения. Квазисинонимические конструкции положительной оценки различаются стилем употребления (*-хын һайгаар* ‘благодаря’ (разг.), *-һан-ай ашаар* ‘благодаря’ (книжн.)), а также специфическими семантическими нюансами (*-һан-ай урманда* ‘благодаря, в

честь того, что...' и *ерэ-һэн-эй-хиш-е* 'в честь того, что приехал; благодаря тому, что приехал' (порождающее событие оценивается говорящим высоко положительно). Из двух квазисинонимических конструкций негативной оценки конструкция *-һАн-ай гэмээр* 'из-за того что (плохое) А, Б' относится к книжному стилю, а конструкция *-һАн-һАА (боложо)* 'ibid' - к разговорному. В бурятском языке имеется также специальная конструкция с осложнением базового причинного смысла значением интенсивности порождающей ситуации *-һАн-ай ехэдэ* 'из-за того, что (сильно)'.

Кроме того, причинно-следственные отношения выражаются тремя контекстными конструкциями: бифинитная конструкция со скрепами на базе глагола говорения *гэ-*, чаще всего *гэжэ* с окказиональным причинным значением, разговорная конструкция со служебным словом *аад* 'хотя.., но; поскольку', традиционно трактуемым как противительный союз, книжная конструкция с послелогом причинно-целевой семантики *-һАн/-дАг тула* 'поскольку', принимающая значение причины с причастиями фактивной семантики.

В параграфе 3.2 "Квазисинонимические конструкции цели" анализируются 17 структурно различных конструкций цели. Как уже говорилось выше, в роли зависимого сказуемого здесь выступает только причастие будущего времени на *-хА* (либо в сопровождении целевых послелогов, либо в грамматикализованной форме в составе целевых деепричастий на *-хАЯА, -хАА, -хААр*). Большинство конструкций цели принципиально моносубъектны. Отрицание присутствует в конструкциях "долгосрочной" цели.

Среди конструкций микрогруппы непосредственной цели выделились конструкции-варианты *-хА / х-ын зорилг-оор, зорилго-той* 'с целью', относящиеся к книжному стилю. К этому стилю также относятся *V-х-ын(-хА-гүй-н) тула, тулада* 'чтобы (не)'. Разговорным стилем употребления ограничены конструкция *V-х-ын хойноһоо* 'за, для того, чтобы'

и аналитическая целевая конструкция –*хА гэжэ* ‘для того чтобы’.

Из трех конструкций нейтрального продуктивного ядра одна является фонетическим вариантом (-*хАА/-хАЯА*), другая употребляется с определенным кругом глаголов (-*хААр*).

Семантическим параметром дифференциации конструкций “долгосрочной” цели выступила степень приложения усилий субъектом действия: послелог *тулөө* ‘за, ради’ подразумевает приложение больших усилий.

В микрогруппе конструкций цели с оценочным компонентом послелоги привносят дополнительные оценочные характеристики как цели, так и способов ее достижения. Так, конструкция с послелогом *хойноһоо* дополнительно означает, что цели можно достичь только через затрату серьезных физических и моральных усилий. Неоднозначно специализированный послелог *урманда* (причинное значение см. выше ‘в честь того, что...’) в целевом употреблении встречается редко. В отличие от послелога *хойноһоо*, он называет цель, которая субъектом главной части оценивается очень позитивно: то, что его вдохновляет. Конструкция с редким специализированным послелогом *талаанда* также содержит оценочный компонент, но не только «внутренний», со стороны действующего в ней субъекта (чрезвычайно желаемая цель), но и «внешний», со стороны говорящего (неодобрение), ср. рус. *лишь бы*.

Конструкции с отрицанием можно рассматривать как отдельный подтип, противопоставленный всем остальным в целом. Использование показателей отрицания в зависимой части превращает цель в «антицель» – т.е. вместо цели выражается отрицательно оцениваемое положение дел, которое следует избегать. Еще один способ выражения антицели – конструкция со скрепой *гэжэ*, сопровождающей предостерегательную форму на -*уужа* (‘смотри не ...!’). Хотя формально отрицания в ней нет, но негативная оценка зависимого события гораздо сильнее.

В параграфе 3.3 “Квазисинонимические конструкции условия” рассматриваются пять структурно различных конструкций, выражающих условные отношения. Смыслоразличительными элементами являются деепричастие на *-бАл*, частица *hAA*, причинно-условная скрепа *хада*, союзы *гэ-бэл* и *бол-бол* (> *бол*), производные от глагола говорения *гэ-* ‘говорить, сказать’ и фазового глагола *бол-* ‘становиться’. Доминирует причастие незавершено-прошедшего времени *-AA*. Отрицание представлено в конструкциях с частицей и скрепой. Существенное влияние на семантику бурятских конструкций условия имеют формы сказуемого их главной части.

Анализ квазисинонимических конструкций условия показал, что конструкции, имеющие предикаты либо союзы с аффиксом *-бАл* (*V-бАл*, *бол-бол*), имеют явно выраженный книжный характер вследствие своего происхождения - из старописьменного монгольского языка. Устаревающей в этом значении формой представляется причинно-условная скрепа *хада-POSS*, встречающаяся в основном в народных сказках. Общеупотребительная конструкция с частицей *haa*, в отличие от других, регулярно выражает также ирреальное условие (с аналитической глагольной формой сослагательного наклонения в главной части).

В параграфе 3.4. “Квазисинонимические конструкции уступки” дифференцируются четыре конструкции: с деепричастной формой на *-бАшье*, с уступительной частицей *-AA-шье haa*, с уступительно-противительными скрепами *aad* и *гэбэшье* (отрицание возможно, кроме формы на *-бАшье*).

Деепричастная конструкция на *-бАшье* ограничена книжным стилем употребления и выражает преимущественно причинно-уступительные отношения, причём речь идет только о 3 лице. Принципиально моносубъектная конструкция с *aad* акцентирована на выражении уступительно-противительных отношений с расширенным временным интервалом между событиями. Скрепа *гэбэшье* в линейно первой части конструкции, передавая уступительное значение, сохраняет модусный

компонент значения: ‘хотя можно сказать, что...’. Самая частотная конструкция со скрепой *-АА-шье һаа* способна выражать как причинно-уступительные, так и условно-уступительные реальные и ирреальные значения (в зависимости от формы глагола-сказуемого в главной части).

В Главе IV “Дифференциация квазисинонимических конструкций сравнения, образа действия, меры и степени” исследуются конструкции, относящиеся к периферии обстоятельственных отношений.

В параграфе 4.1. “Квазисинонимические конструкции сравнения” рассматриваются сравнительные конструкции с аффиксом *-Дал* и с частицами *мэтэ*, *шэнги*, которые имеют два прочтения в зависимости от грамматических характеристик, наличия отрицания и знаний о мире: достоверное и недостоверное сравнение. Кроме того, имеются специализированные конструкции достоверного (причастно-падежная со служебным словом *адляар* - РС-DAT *адляар* ‘А точно также, как Б’) и недостоверного сравнения (с послелогом *юумэ(н)дэл* и аффиксом *-шУУ* ‘А как будто, словно Б’).

В зоне недостоверного сравнения за всеми конструкциями, кроме специализированной с послелогом *юумэ(н)дэл*, закреплено в основном причастие прошедшего времени; широко представлено отрицание. Строятся преимущественно моносубъектные фразы (тождество субъектов является одним из признаков недостоверного сравнения [Грамматика русского языка 1982: 607]). В зоне достоверного сравнения в зависимой части конструкций в основном употребляется многократное причастие на *-дАг*, а также другие фактивные причастные формы.

Аналитические конструкции со скрепами на базе вспомогательного глагола *гэ*- дублируют ядерные.

К книжному стилю относятся конструкции *һАн-(NEG) мэтэ* и *-дАг мэтэ* (кроме того, они не употребляются со служебными словами *адли*,

адляар усилительного значения); к разговорному - специализированная конструкция РС-(NEG) *юумэ(н)дэл*. Конструкция с частицей *шэнги* 'будто, как будто' гораздо чаще прочитывается как конструкция воображения, чем недостоверного сравнения, и тем более достоверного (2 примера с причастиями *-дАг* и *-гшА*). К ней примыкает конструкция воображения с причастием прошедшего времени на *-hAn* и аффиксом *-шУУ* (по происхождению это бывшая частица неуверенности *шуу* 'кажется, по всей видимости'), которая весьма редко выражает значение недостоверного сравнения.

Специализированная конструкция РС-DAT *адляар* 'А точно также, как Б' отличается от конструкции с *-Дал* акцентированным значением достоверного сравнения.

В параграфе 4.2. рассматриваются квазисинонимические конструкции образа действия. В специализированных конструкциях значение собственно образа действия обычно осложняется рядом дополнительных значений: желательного либо нежелательного следствия, различных оттенков несоответствия ожиданиям, поэтому конструкции образа действия мы разделили на две подгруппы. Первая подгруппа включает три конструкции собственно образа действия с потенциальным либо желательным следствием, а также предотвращением нежелательного следствия. Вторая подгруппа - восемь конструкций со значением образа действия с несоответствием ожиданиям – это структурно разнородная группа, кодирующая разные типы несоответствия: зависимое действие не реализуется, хотя и ожидаемо; или реализуется вопреки ожиданиям; или реализуется, но не в той степени, что ожидалось; и т.д. Соответственно, параметры реальности/одновременности, одушевленности/персональности субъекта и моносубъектности здесь напрямую связаны с семантикой конструкции. Все специализированные модели образа действия с несоответствием ожиданиям исключительно

моносубъектны.

Смыслоразличительными элементами являются, прежде всего, послелого, причастно-падежная и деепричастная формы. Отрицание представлено в двух конструкциях *-нгүй-гөөр* ‘А без осуществления ожидаемого Б’ и *-нгүй шахуу* ‘А, при этом почти не Б’. Вариантами здесь являются конструкции *-hАн зандаа* и *-hАн зангаар*, *-hАн шэгтээ* и *-hАн шэгээрээ* ‘по-прежнему, продолжая... (несмотря на...)’, а также *-н шахуу* и *РС шахуу* ‘А (так, что) чуть ли не Б’. Ареальным распространением характеризуется конструкция *-hАн шэгтээ (шэгээрээ)* - встречается у хоринских бурят.

Семантическим параметром дифференциации конструкций второй группы является характер ожиданий: часть из них задает действие зависимой части как ожидаемое, но нереализованное (*-нгүй-гөөр*), либо потенциально возможное (*-н шахуу* ‘А (так, что) чуть ли не Б’), другие же называют в зависимой части реальные действия: послеложные модели – действия, реализующиеся вопреки ожиданиям, а конструкция с деепричастием *-мгАшАА* – необычные положения для исполнения главного действия. Конструкции с частицей *шахуу* ‘почти’ передают значение образа действия с особыми оттенками несоответствия ожиданиям. Вариант с отрицательным деепричастием – *-нгүй шахуу* – передает, что некоторые характеристики реально осуществляющегося зависимого действия в контексте главного ниже нормы, зависимое действие реализуется не в ожидаемом объеме.

В параграфе 4.3 “Квазисинонимические конструкции меры и степени” выделяются три семантических типа конструкций степени: с реальным следствием интенсивности (*-тАр* ‘А до такой степени, что Б’, *-сА* ‘так, что’, [IDPH] *гэ-тэр-POSS* ‘до такой степени, что (раздается звук)’, *гэ-тэр-POSS* ‘до такой степени, что (можно сказать)’), с потенциальным следствием интенсивности (*-хА-hАА наагуур, нааша, абан (боло-)* ‘А такое, что чуть ли не

Б') и с ирреальным следствием (-*мАар* 'А до такой степени, что можно Б'); а также две конструкции меры действия (-*хысА* МСК 'в той мере, насколько возможно для данного действия', РСК 'насколько позволяют ресурсы'; -*хА/нАн зэргээр* 'в той мере как'). Смыслоразличительными элементами выступают как деепричастные формы, так и причастно-последеложные. За конструкциями степени действия закреплено причастие будущего времени в исходном падеже. Принципиально отсутствует отрицание.

На наш взгляд, конструкцию с деепричастием на -*сА* можно считать устаревшей, поскольку она непродуктивна на современном этапе (представлена лишь единичными примерами), а деепричастный показатель превратился в словообразовательный аффикс наречий. Конструкцию с редким последеложием *абан* 'чуть ли не' считаем относящейся к книжному стилю.

Из конструкций степени действия с реальным следствием особое значение имеют конструкции со скрепой, образованной предельным деепричастием от вспомогательного глагола речи *гэ-тэр*: 1) в конструкции, где скрепа сопровождает звукоподражательное слово, степень интенсивности главного действия характеризуется через производимые звуки; 2) в бифинитной конструкции определителем степени интенсивности главного действия выступает предполагаемая речь субъекта этого действия.

Из двух квазисинонимических конструкций потенциального следствия интенсивности с последеложиями *наагуур* и *нааша* 'чуть ли не', представляющих ситуацию-следствие как почти осуществившуюся, конструкция с *нааша* более характерна для разговорной речи.

Две специализированные конструкции меры действия различаются степенью интенсивности главного действия: в конструкции с деепричастием на -*хысА* главное действие осуществляется с максимальной интенсивностью, в конструкции с последеложием *зэргээр* - насколько позволяет зависимое действие.

В главе V “Квазисинонимические конструкции присоединения, сопоставления, предпочтения и соответствия ” исследуются следующие семантические группы: конструкции присоединения-сопоставления (‘наряду с тем, что’, ‘кроме того, что’; ‘более того...’); конструкции пропорционального соответствия (‘чем..., тем...’); конструкции сопоставления-предпочтения (‘вместо того, чтобы...’; ‘чем..., лучше...’); и конструкции соответствия (‘в соответствии с тем, как...’).

В параграфе 5.1 “Квазисинонимические конструкции присоединения-сопоставления” дифференцируются три конструкции присоединения-сопоставления с превышением ожиданий (-xA-(NEG)-hAA гадна ‘А, более того, Б’, -xA-(hAn)-hAA гадуур ‘А, более того, Б’, -x-ын-POSS саагуур ‘не только А, но и еще и Б’), шесть конструкций сопоставления со сравнительной оценкой (-xA-hAA байха ‘не только А, но и Б’, xA-hAA байха + NEG+шье ‘не то что не А, но даже и не Б’, -xA-hAA байтагай ‘не только А, но и Б’, -xA-hAA байтагай +NEG+шье ‘не то что не А, но даже и не Б’, -xA-hAA наана ‘не только А, но и Б’, -xA-hAA+NEG+шье наана ‘не то что не А, но даже и не Б’).

Как и в большинстве обстоятельственных конструкций, носителями смыслов в этих конструкциях являются прежде всего послелого, причастие будущего времени в исходном падеже, а также отрицательная частица -гүй и уступительная частица -шье. Здесь аффикс орудного падежа в послелогах не вносит в конструкции никакого семантического оттенка.

Стилевыми ограничениями характеризуются конструкции с послелогами байтагай, гадна (книжн.), байха, наана (разг.).

В микрогруппе квазисинонимических конструкций присоединения-сопоставления с превышением ожиданий конструкция с послелогом саагуур, в отличие от гадуур, сопоставляет не два разных события, а две фазы или нарастающие степени интенсивности одного и того же события.

В микрогруппе принципиально моносубъектных сопоставительно-

оценочных конструкций одно из событий (зависимое) представляется как находящееся на более низкой, а второе (главное) – на более высокой ступени иерархии: ‘не только А, но (даже) и Б’. Однако при появлении отрицания и уступительной частицы *-шье* сопоставление начинается с верхнего уровня иерархии и переходит на нижний: ‘не то что не А, но даже и не Б’. Конструкции различаются только стилистически: *байтагай* (книжн.), *байха*, *наана* (разг.).

В параграфе 5.2 “Квазисинонимические конструкции пропорционального соответствия” рассматриваются четыре конструкции со значением градации ‘по мере того как’: *-хА бүри*, *-хА бүхэндэ*, *-хА тудам*, *-хА тума*. Как видно из конструкций, смысловозначительными элементами являются послелого, причастие будущего времени здесь закреплено. Отрицание невозможно.

Стилевыми характеристиками отличаются конструкции *-хА тудам*, *-хА тума* (книжн.).

У конструкции *-хА бүхэндэ* наблюдается специализация в другом значении – прерывной одновременности ‘каждый раз, когда’, и редко в значении градации.

В параграфе 5.3 “Квазисинонимические конструкции сопоставления-предпочтения” исследуются четыре конструкции: причастно-послеложная с послелогом *орондо* ‘вместо того чтобы А, Б’, две деепричастные с формой на *-нхаар* (‘чем А, (сделай) Б’), аналитическая на базе оптатива *-hАй гэ-хэ-дэ* ‘(хотелось бы, чтобы) А, но Б’. Носителями значений конструкций здесь являются послелог, деепричастная форма на *-нхаар* и грамматикализованная форма оптатива и прямой речи. Полных синонимов не обнаружено. Отрицание не представлено.

Стилистически ограниченной является конструкция с оценкой *-hАй гэ-хэ-дэ* (разг.).

Остальные конструкции расходятся по оценочному параметру:

нейтральная с послелогом *орондо* (оценочное значение возникает при императивных формах, причем сопоставляются индивидуальный поступок и норма), оценочные с формой на *-нхаар* (как более предпочтительное оценивается главное событие - только индивидуальный поступок, и отрицательно – зависимое событие), причем в трехчленной конструкции с предикатом позитивной оценки *дээрэ* ‘лучше’ оценка более экспрессивная.

В параграфе 5.4 “Квазисинонимические конструкции соответствия” дифференцируются четыре причастно-послеложные конструкции (*-hAn соо* ‘А в соответствии с информационным/мыслительным актом Б’, *-hAn/-дАг ёһоор* ‘А в соответствии с (регулярно повторяющимся) информационным/мыслительным актом Б’, *-дАг гурмаар-POSS*, *-дАг ёһоор-POSS* ‘А соответственно обычаю Б’) и две причастно-падежные (*-h(An)-AAp/-дАг-AAp* ‘А в соответствии с информационным/мыслительным актом Б’; *-h-aар-POSS* ‘А соответственно аналогичному Б в прошлом’). За ними закреплены причастия многократное и прошедшего времени, а также лексическое наполнение в некоторых конструкциях: зависимое сказуемое выражается только глаголами речи и мышления. Смыслоразличение осуществляется за счет послелогов и причастий. Полных синонимов нет. Отрицание не представлено.

К книжному стилю относится конструкция *-дАг гурмаар-POSS*, к разговорному - *-h(An)-AAp/-дАг-AAp*.

Еще одна семантическая оппозиция в этой группе – точность/неточность соответствия: конструкция *-hAn соо* отличается от остальных тем, что главное событие происходит в точном соответствии с зависимым.

В **Заключении** подведены итоги проведенного исследования. Основные результаты работы:

1. В ходе исследования проведена полная инвентаризация и классификация всех ППК обстоятельственного типа; выделен

- специфический темпоральный подтип с конструкцией “междувременности”.
2. Выработанный алгоритм позволил провести дифференциацию квазисинонимических конструкций бурятского языка по экстралингвистическим и семантическим параметрам. Различие по экстралингвистическим параметрам по большей части касалось стилевой характеристики (книжн./разг.), редко диалектной (ареальной), еще реже - временной (новое/устар.). Из семантических параметров наиболее интересны несоответствие ожиданиям, нарушение нормы, разные виды оценки, положительной и отрицательной, качественной и количественной.
 3. Разработаны методики семантической дифференциации квазисинонимических ППК, основанные на уже известных методах анализа из лексикологии: контекстологическом, компонентном, а также интроспекции и лингвистическом эксперименте с дополнительным анализом “отрицательного языкового материала”.
 4. Для бурятского языка выявлены семантические оппозиции, формирующие обстоятельственную систему сложного предложения, отличные от представленных в европейских языках; совместно с экстралингвистическими оппозициями они дают, в конечном счете, большое количество квазисинонимических конструкций (например, до 22 конструкций причины).
 5. В ходе исследования выявилась смысловозначительная роль прежде всего послелогов, а также служебных слов другого типа и частиц. За каждым семантическим типом, группой, микрогруппой закреплена та или иная причастная форма, часто в определенном падеже. Из падежных показателей в обстоятельном типе ППК регулярно

проявлялось значение орудного падежа, вносящего в конструкцию оттенок неопределенности, размытости, растянутости. Отметим также востребованность аффикса исходного падежа, оформляющего причастные формы и маркирующего “событийную” отправную точку (см. конструкции предшествования, степени, присоединения-сопоставления). Отрицание отсутствует в темпоральной зоне и проявляется в зоне обусловленности и образа действия. У некоторых конструкций моносубъектный и разносубъектный варианты расходятся по разным значениям. Многозначные конструкции выражают то или иное значение при лексико-грамматической либо аспектуальной поддержке предикатов либо одной из частей, либо обеих.

6. В меньшей степени представлены вариативные конструкции (полные синонимы): разные по структуре, но идентичные по семантике. Структурное различие в основном касалось варьирования падежного оформления причастий и послелогов.
7. Представлена и проанализирована практически не описанная в монголоведении семантическая группа конструкций сопоставления-предпочтения.
8. Интересна роль и распределение падежей в обстоятельственной системе: в темпоральных конструкциях системообразующим является дательно-местный падеж, в конструкциях обусловленности, степени, а также присоединения-сопоставления - исходный, а в конструкциях образа действия - орудный.

Основные публикации по теме диссертации

Монографии

1. Даржаева Н.Б. Полипредикативные конструкции с подчинительной связью / Н.Б. Даржаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 99 с.
2. Скрибник Е.К. Полипредикативные конструкции обусловленности в бурятском языке / Е.К. Скрибник, Н.Б. Даржаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 179 с.
3. Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвосторическое исследование) / Г.А. Дырхеева, Н.Б. Даржаева, Ц.Ц. Бальжинимаева и др. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2009. – 229 с.
4. Скрибник Е.К. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Том I. / Е.К. Скрибник, Н.Б. Даржаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 315 с.

Статьи в журналах по перечню ВАК

1. Даржаева Н.Б. Семантические типы осложнения значения одновременности в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Филология. – Новосибирск, 2008. – №4. – С. 68-71.
2. Даржаева Н.Б. Межфразовые скрепы местоименного происхождения в бурятских письменных памятниках / Н.Б. Даржаева // Вестник ЧитГу. – Чита, 2010. – № 1. – С. 84-87.
3. Даржаева Н.Б. К проблеме семантической дифференциации причастно-последложных конструкций предшествования в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Известия Иркутской государственной экономической Академии (Байкальский государственный университет экономики и права) – 2014. – №3 (95). – С. 159-164.
4. Даржаева Н.Б. Контекстные факторы реализации значений деепричастия на -наар в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики – 2014. - №5 (35). Часть 2 – С. 70-72.

5. Даржаева Н.Б. Полипредикативные конструкции со значением ограничительной одновременности в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Вестник Бурятского государственного университета. – Сер. Филология. – 2014. – С. 3–7.

6. Даржаева Н.Б. Конструкции собственно оперирования информацией / Н.Б. Даржаева, Е.К. Скрибник // Вестник Бурятского государственного университета. – Сер. Филология. – 2015. – С. 3–6.

7. Даржаева Н.Б. Конструкции со значением степени действия в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Вестник Бурятского государственного университета. – Сер. Филология. – 2016. – С. 17-21.

8. Даржаева Н.Б. Поиск параметров дифференциации полипредикативных конструкций общего следования в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – №6. – 2016. – С. 34-39.

9. Даржаева Н.Б. Полипредикативные конструкции со значением непосредственной цели в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Вестник Бурятского государственного университета. – Сер. Филология. – 2016. – С. 17-21.

10. Даржаева Н.Б. Дифференциация синонимических полипредикативных конструкций со значением близкого следования в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №6 (72). Часть 1. – С. 78-81.

11. Даржаева Н.Б. О полипредикативных конструкциях со служебным словом *хада* в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2017. – №3 (64). – С. 353-356.

12. Даржаева Н.Б. Бурятские конструкции причины: от синкретичных форм к специализированным / Н.Б. Даржаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. – №11 (77). – Часть 3. – С.86-88.

13. Даржаева Н.Б. Квасисинонимические конструкции осложненной одновременности в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2018. – №5 (72). – С. 401-403.

Статьи, входящие в Международные базы данных Web of science

14. Даржаева Н.Б. Средства выражения значения миративности в бурятском сложном предложении / Н.Б. Даржаева // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2014. – №2. – С. 210-217.

15. Даржаева Н.Б. Бурятские конструкции сопоставления-предпочтения / Е.К. Скрибник, Н.Б. Даржаева // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2016. – №.3 – С. 263-280.

16. Даржаева Н. Б., Цыренов Б. Д. Синтаксис бурятской разговорной речи: предварительный очерк // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14, № 2. – С. 5–12.

Статьи и тезисы в журналах, научных сборниках, материалах всероссийских и международных конференций

Публикации на иностранных языках

1. Darzhaeva N. Buriat Complex Sentences and the Principles of Their Description // Mongolian studies. Vol. XX, -1997. - pp. 23-37.

2. Darzhaeva N. Semantic analysis of polypredicative constructions as one of the factors of preserving Buryat language // Arctic dialogue in the global world: Proceedings of the Joint Science and Education Conference. Ulan-Ude, 2015. p.p. 274-275.

3. Darzhaeva N. Buryat temporal constructions of simultaneity // Proceedings of the Chinese Fourth International Symposium on Mongolian Studies. China, Huhhot, 2015. pp. 234-240.

Публикация на бурятском языке

1. Даржаева Н.Б. Мүнөөнэй буряад хэлэнэй сложно мэдүүлэлнүүдые шэнэ аргаар шэнжэлэлгэ / Н.Б. Даржаева // Сб. науч.ст. «Буряад хэлэнэй шухала асуудалнууд». – Улан-Удэ, 2007. – С. 82-89.

Публикации на русском языке

1. Даржаева Н.Б. Синтаксические функции деепричастий в языке хоринских бурят / Н.Б. Даржаева // Сб. науч. тр. «Проблемы бурятской диалектологии». – Улан-Удэ, 1996. – С. 156-164.

2. Даржаева Н.Б. Содержательная интерпретация бурятских сложноподчиненных предложений с дицендиальными союзами / Н.Б. Даржаева // Материалы научно-практической конференции «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии» – Улан-Удэ, 2000. – С. 57-61.

3. Даржаева Н.Б. Сравнительные полипредикативные конструкции бурятского языка / Даржаева Н.Б., Е.К. Скрибник // Всероссийской научной конференции «Санжеевские чтения -5». – Улан-Удэ, 2003. – С. 80-87.

4. Даржаева Н.Б. Конструкции логического умозаключения в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Материалы международной научной конференции «Россия-Азия: становление и развитие национального самосознания». – Улан-Удэ: БГУ, 2005. – С. 204-205.

5. Даржаева Н.Б. Специфика бурятских полипредикативных конструкций со значением санкции / Н.Б. Даржаева // Материалы международной конференции, посв. 100-летию Бертагаева. – Улан-Удэ, 2005. – С. 118-123.

6. Даржаева Н.Б. Семантические осложнения базового смысла в конструкциях причины в бурятском языке // Сб. науч. тр. «Материалы, посв. Конгрессу монголоведов». – Москва, 2006. – С. 253-257.

7. Даржаева Н.Б. Функционально-семантическое микрополе реальной уступки в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения-6» – Улан-Удэ, 2006. – С. 155-160.
8. Даржаева Н.Б. Опыт системного описания целевых полипредикативных конструкций в бурятском языке // Материалы международной научной конференции «История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность» – Улан-Удэ, 2006. – С. 165-170.
9. Даржаева Н.Б. Средства выражения собственно-причинного значения в ППК бурятского языка / Н.Б. Даржаева // Международный ежегодник «Языки и литературы народов Горного Алтая». – Горно-Алтайск, 2006. – С. 79-83.
10. Даржаева Н.Б. Полипредикативные конструкции эмоционально обусловленного поведения в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Сб. науч. статей «Монгольские языки и диалекты Северо-восточного ареала Центральной Азии». – Улан-Удэ, 2006. – С.167-172.
11. Даржаева Н.Б. Причастно-последложные конструкции со значением одновременности в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции «Подвижники Сибирской филологии» – Новосибирск, 2007. – С. 93-96.
12. Даржаева Н.Б. Формальные средства выражения условных отношений в ППК бурятского языка / Н.Б. Даржаева // Материалы международной конференции «Мир Центральной Азии». – Улан-Удэ, 2007. – С. 363-369.
13. Даржаева Н.Б. Структурно-семантическая характеристика конструкций вложенной одновременности в современном бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Сб. науч. тр. «Материалы международной научной конференции «Улымжиевские чтения-4». – Улан-Батор, 2008. – С. 101-103.

14. Даржаева Н.Б. Языковая ассимиляция у бурят Монголии / Н.Б. Даржаева // Сб. науч. тр. «Материалы международной научной конференции «Россия в Монголии» – Улан-Батор, 2008. – С.106-111.
15. Даржаева Н.Б. Деепричастия с нерасчлененной обстоятельственной семантикой в языке бурят Монголии / Н.Б. Даржаева, Е.К. Скрибник // Материалы международной конференции «История. Язык. Культура». – Улан-Батор, 2009. – 121-131.
16. Даржаева Н.Б. Продолжительное деепричастие на =һаар в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Материалы научной сессии «Современные проблемы изучения монгольских языков», посв. Бураеву И.Д. – Улан-Удэ, 2009. – С. 115-120.
17. Даржаева Н.Б. Связующие средства между сверхфразовыми единицами в бурятских письменных памятниках / Н.Б. Даржаева // Сборник трудов Международной научной конференции «Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия». – Улан-Удэ, 2009. – С. 225-233.
18. Даржаева Н.Б. Конструкция общей временной соотнесенности в языке бурят-эмигрантов / Н.Б. Даржаева // Сборник трудов Международной научной конференции «Монголия на перекрестке внешних миграций». – Улан-Батор, 2010. – С. 121-125.
19. Даржаева Н.Б. Формы зависимого таксиса и развитие литературного бурятского языка / Н.Б. Даржаева // Сборник трудов Международной научной конференции «Язык и общество в современной России и других странах». – Москва, 2010. – С. 435-438.
20. Даржаева Н.Б. Указательные местоимения как текстообразующие средства в бурятских старописьменных памятниках / Н.Б. Даржаева // Материалы международной научной конференции в рамках Конвента

монголов мира. – Улан-Удэ, 2010. – С.155-158.

21. Даржаева Н.Б. Семантические типы сравнительных конструкций в бурятском языке / Н.Б. Даржаева // Вестник БНЦ СО РАН. – Улан-Удэ, 2013. – С. 117-124.

22. Даржаева Н.Б. Контекстно обусловленные значения причастно-послеложной конструкции с послелогом урид / Н.Б. Даржаева // Вестник БНЦ СО РАН. – Улан-Удэ, 2014. – №2(14). – С. 142-146.

23. Даржаева Н.Б. Конструкции со значением степени действия в речи бурят России и Монголии / Н.Б. Даржаева // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы монголо-российского сотрудничества: языковой, культурно-исторический и экономический аспекты». – Улан-Батор, 2015. – С. 93-97.